

Лингвистика

Г. А. Золотова

Ведущий
научный сотрудник
Института
русского языка
АН СССР
докт. филол. наук

Опыт лингвистического анализа текста

В литературе отмечалось, что в современной синтаксической теории и в практике работы над языком далеко не полностью используется лингвистическая информация, содержащаяся в языковом материале. Лучшим подтверждением этой мысли был бы анализ текста.

Рамки статьи велят избрать текст несложный и обзорный. Остановимся на рассказе-басне «Белка и волк»; из учебных книг, написанных Л. Толстым для его яснополянских школьников. Вот этот текст:

Белка и волк

Белка прыгала с ветки на ветку и упала прямо на сонного волка. Волк вскочил и хотел ее съесть. Белка стала просить:

— Пусти меня.

Волк сказал:

— Хорошо, я пушу тебя, только ты скажи мне, отчего вы, белки, так веселы. Мне всегда скучно, а на вас смотришь, вы там вверху все играете и прыгаете.

Белка сказала:

— Пусти меня прежде на дерево, я оттуда тебе скажу, а то я боюсь тебя.

Волк пустил, а белка ушла на дерево и оттуда сказала:

— Тебе оттого скучно, что ты зол. Тебе злость сердце жжет. А мы веселы оттого, что мы добры и никому зла не делаем.

Как видим, сюжет этой нехитрой истории состоит в двупланном конфликте между персонажами: физическом (белка чуть не угодила волку в зубы) и нравственно-психологическом, ради которого и придумана эта басня. Текст организуется двумя типами речи: авторской и прямой речью персонажей.

Какие действия совершают персонажи в авторском тексте? Они, во-первых, двигаются (*Белка прыгала.., упала.., ушла на дерево..; Волк вскочил..*), во-вторых, разговаривают (*Белка стала просить.., сказала..; Волк сказал..*). Передвижение — действие, свойственное существам одушевленным, хотя и не личным. Речевые действия совершают только лица, следовательно, животные выступают здесь в ролях персонифицированных. Из диалога между ними мы узнаем и о других их действиях, занятиях, свойствах. Глагольные сказуемые сообщают нам о движениях и действиях животных (*играете и прыгаете..*), о процессе восприятия (*на вас смотришь..*), об отношениях между персонажами (*я боюсь тебя..*); адъективные сказуемые сообщают об их качествах, свойствах (*ты зол..; мы веселы.., добры..*); предикативное наречие — о состоянии персонажа (*мне скучно..; тебе скучно..*). Есть здесь предикаты с более сложным значением, так называемым кауза-

тивным. Они сообщают о том, что один предмет (каузатор) своим существованием или воздействием вызывает действие, состояние, качество другого предмета: *Волк пустил (отпустил) белку* — сделал так, что она смогла уйти; *Злость сердце жжет, Мы никому зла не делаем* — тоже каузативные предикаты.

Заметим, что целенаправленно действуют только живые существа. Неодушевленные предметы в природе сами по себе не действуют (если не считать функционирования под управлением человека приборов, механизмов, орудий: *пароход плывет, станок работает, часы идут, перо пишет*), точно так же не действуют отвлеченные понятия. Но в позиции подлежащего они могут выполнять роль каузатора, воздействующего своим существованием на другие предметы.

Итак, в небольшом тексте перед нами предложения с предикатами, сообщающими о разного рода действиях, состояниях, свойствах и отношениях персонажей. При этом для выражения действий используются глаголы акциональные (называющие действия), для выражения отношений — глаголы неакциональные (называющие не-действия), для выражения свойств, качеств — краткие прилагательные, для выражения состояний — предикативные наречия. Иными словами, в тексте представлены многие из основных моделей русского синтаксиса, в которых необходимо по смыслу типовое значение выражено типичными для этого значения, предназначенными для него средствами.

Типичны и взаимообусловлены со сказуемым формы и значения подлежащего в каждой из моделей: имя лица (или персонифицированного предмета) в именительном падеже предикативно сочетается с глаголами речевого действия, отношения; имя одушевленного существа в именительном — с глаголами передвижения и восприятия; имя предмета — носителя качества в именительном падеже с краткими прилагательными; имя лица в дательном падеже — с предикативным наречием (*мне скучно* — так же, как, например, с глаголами состояния на -ся: *мне нездоровится, не работается, мне поется*); имя отвлеченного понятия в именительном падеже — с глаголами каузативного действия; в тексте нет предложений, сообщающих о состоянии среды, места, но, если бы они были, мы убедились бы в типичности выражения их подлежащего формами локативного значения (*В доме пусто, На улице празднично; сравните Дом пуст, Улица празднична*).

Посмотрим далее на имена существительные, распространяющие эти сказуемые. Их выбор также предопределен смыслом: типом глагольного значения, или иначе — принад-

лежностью глагола к определенным семантическим разрядам. Глаголы со значением передвижения в пространстве сопровождаются именами предметных ориентиров, называющих исходный или конечный пункт движения (см. в тексте: *прыгали с ветки на ветку и упала на волка*). Глаголы речевых действий сопровождаются именами, называющими адресата (к кому обращена речь) и делиберат (о чем речь). Адресат чаще всего выражен именем лица в дательном падеже, а делиберат — формами **о** + предл. пад., **про** + вин. пад. и некот. др.; их место могут занимать придаточное предложение или прямая речь говорящего (см. в тексте: *Ты скажи мне, отчего вы, белки, так веселы... Белка сказала:...*).

Глагол восприятия *смотреть* относится к глаголам направленного действия и сопровождается теми же именами предметных ориентиров (*смотришь на вас ...* — в компоненте **на** + вин. пад. совмещаются в данном случае значения объекта восприятия и конечной точки направленного действия).

При глаголе эмоционального отношения (*боюсь тебя*) имя в родительном падеже называет объект отношения с оттенком каузативного значения (волк своим существованием и своими действиями вызывает в белке чувство страха).

Глаголы, обозначающие не актуализированное действие, а постоянное занятие (*вы там вверху все играете и прыгаете*), утрачивают свойственное им именное сопровождение и употребляются абсолютивно, без распространителей. Распространитель при каузативных глаголах соединяет в себе значения объекта воздействия и субъекта каузированного признака (*Злость сердце жжет — Злость вызывает жжение в сердце — От злости сердце горит*).

Сказанное о составе рассмотренных предложений можно подытожить таблицей (см. с. 65).

Таблица позволяет сделать обобщения:

1) Язык располагает предназначенными для выражения разных отношений объективной действительности синтаксическими моделями предложений, а говорящий использует их в соответствии со своими коммуникативными намерениями.

2) Модели предложений организуются предикативным сочетанием двух главных компонентов — подлежащего и сказуемого, взаимообусловленных по форме и значению. Способ выражения главных компонентов — соответственно категориально-семантическому значению подклассов частей речи, которые они представляют, — определяет типовое значение модели предложения.

Т а б л и ц а

Подлежащее (преддицируемое)				Сказуемое (предикат)			Распространители сказуемого
Одушевленное		Неодушевленное		Глагольное		Неглагольное	
Лицо	Не-лицо	Предмтн.	Отвл.	Акциональное	Неакцион.		
+	Им.	+	(+)	–	движения (<i>прыгала</i>)		простр. ориентиры
+	»	–	–	–	речи (<i>сказала</i>)		адресат, делиберат
+	»	–	–	–	направленного восприятия (<i>смотришь</i>)		объект-ориентир
+	»	+	–	–	занятия (<i>играете</i>)		–
+	»	+	(+)	+	кауз. движения (<i>пустил</i>)		объект-субъект каузир. движения
+	»	+	–	–	эмоц. отношения (<i>боюсь</i>)		объект-субъект каузир. состояния — отношения
+	»	+	+	+	кауз. состояния (<i>жжет</i>)		объект-субъект каузир. состояния
+	»	+	+	–		прилаг. свойства (<i>добры</i>)	–
+	»	+	+	–		прилаг. состояния (<i>веселы</i>)	–
+	Дат.	+	Дат.	+	Лок.	–	предик. наречия состояния (<i>скучно</i>)

3) Способы именного распространения предиката также обусловлены семантическим разрядом, к которому он принадлежит.

Главные компоненты модели остаются постоянными и при регулярных грамматических и структурно-семантических модификациях предложения. Сравним пары предложений, извлеченных из текста:

- (1) Ты скажи мне — Я скажу тебе
- (2) Пусти меня — Я пущу тебя
- (3) Я пущу тебя — Волк пустил
- (4) Вы веселы — Мы веселы
- (5) Мне скучно — Тебе скучно.

Предложения каждой пары по составу и способу выражения компонентов представляют одну и ту же модель (в первом примере второй пары субъектный компонент первого лица выражен глагольной флексией). Различия между предложениями идут по линии модальности, времени и лица, составляющих частные значения (каждая категория — в своей парадигме) общей категории. Можно заметить, что в парадигму по линии лица вступают только предложения с личным субъектом 1, 2 и 3-го лица, модели с неличным субъектом (*Злость сердце жжет*) личной парадигмы не имеют.

Предложения *Белка стала просить* и *Волк хотел ее съест* — примеры регулярных структурно-семантических модификаций

предложения, осложняющих сказуемое фазисным или модальным значением (соотносительно со школьными понятиями составного глагольного сказуемого).

Текст дает материал для наблюдения над синтаксической синонимикой моделей. Сравним предложения *Мне всегда скучно* — (*Тебе скучно*) и *Вы, белки, так веселы* (*Мы веселы*). По лексическому значению слов они антонимичны, выражают противоположение. Но по общему, объединяющему их типовому значению, по составу компонентов они — синтаксические синонимы: и в том, и в другом содержится сообщение о субъекте и его состоянии. Поскольку одноименные компоненты в каждой из моделей оформлены разными грамматическими средствами (субъект в дательном и именительном падеже, предикат в форме предикативного наречия и в форме краткого прилагательного), с грамматическими различиями связаны и семантические. Эти дистинктивные, различительные значения, или оттенки значений моделей, выражающих общее типовое значение, составляют следующую, низшую по отношению к типовому значению, ступень абстракции от конкретного к обобщенному.

Каковы же дистинктивные семантические признаки сравнимых предложений? Различия связаны, прежде всего, с категориальным

значением части речи и ее подкласса, представленного в предикате: *весело* — состояние (в его разновидности — состояние лица), *веселы* — свойство (в его разновидности — психологическое состояние). Значение свойства — постоянный или во всяком случае более длительный признак предмета, чем значение состояния. Это временное соотношение противоположных признаков «уравновешивается» обстоятельством *всегда* (*Мне всегда скучно*): если предложение не включает этого обстоятельства, можно было бы понять, что речь идет о состоянии лишь в данный момент.

Кроме того, различие, по-видимому, заключается еще и в следующем. В *Мне скучно*, *Мне весело* содержится сообщение о внутреннем состоянии, испытываемом говорящим. В *Ты скучен*, *Вы веселы* — скорее о внешних признаках, заставляющих наблюдателя предположить соответствующее внутреннее состояние в наблюдаемом лице. Естественно поэтому 1-е лицо субъекта для первой модели, 2 или 3-е — для второй. Не остается сомнений в том, что соотношение синонимичных моделей в речи персонажей нашего текста не случайно, а основано на тонких, но системных различиях.

В синонимические отношения вступают также основные, изосемические модели с неизосемическими, выражающими категориальное значение при посредстве вспомогательных слов (сравните: *Белки веселы и добры* — *Белки отличаются веселостью и добротой*, *Белкам свойственна веселость и доброта* и т. д.). Модели неизосемического типа стилистически связаны с книжно-письменной речью, поэтому жанру и стилю нашего текста они не свойственны.

Текст дает повод для сопоставления синонимичных конструкций простого и сложного предложения: одна и та же позиция в составе простого предложения может быть занята и падежной формой имени, и придаточным предложением. Сравните синонимичные способы замещения позиции делиберата (*Скажи мне правду* — *Скажи мне, отчего вы веселы*), позиции каузатора (*Тебе скучно от злости* — *Тебе скучно оттого, что ты зол*), позиции объекта — каузатора или делиберата — каузатора (*Я боюсь тебя* — *Я боюсь, что ты меня съешь*).

Наблюдения над модификациями основных моделей и их синонимикой подводят нас к заключению о принципах упорядочения множества конкретных предложений, данных нам в речевом опыте. Можно представить себе центр, в котором расположены основные модели, и периферийные концентрические круги, или слои, в которых последовательно,

по мере наращивания регулярных смыслов, размещаются грамматические, структурно-семантические, коммуникативные, экспрессивные ее модификации, монопредикативные синонимические корреляции и полипредикативные осложненные конструкции. Такое представление может соответствовать системной организации материала и вместе с тем задавать дидактические ориентиры в работе над языковыми явлениями с постепенным переходом от простого к более сложному. Приведем схематически в виде цепочки примеры возможных модификаций и преобразований на базе моделей из текста:

Белка прыгает — *Белка прыгала*, *прыгает*, *прыгала бы...* — *Белка начала*, *перестала прыгать*, *Белка хотела*, *собралась попрыгать* — *Белка не прыгает*, *не хотела прыгать*, *Прыгает ли белка? Да разве белка прыгала?!* — *Белка делает прыжки*, *Белке не прыгается* — *Белку заставляют прыгать* и т. п.

Волку скучно — *Волку было*, *будет*, *было бы скучно...* — *Волку стало скучно*, *Волку должно было стать скучно* — *Волку не скучно*, *Неужели волку было скучно?* — *Волк скучает*, *Волка одолела скука*, *Волком овладела скука* — *Злость сделала волка скучным*, *Злость заставляет волка скучать*, *Скука побудила волка к размышлениям* и т. п.

Обратимся теперь к синтаксическим единицам более мелким, чем предложения, — к словоформам, посмотрим, какова их роль в построении предложения.

Глагольные формы в тексте не отличаются разнообразием. Это спрягаемые формы глаголов, соотносящиеся по частным значениям времени, наклонения, лица, числа, рода. Они выполняют одну и ту же синтаксическую функцию сказуемого (предиката), грамматические различия между ними не создают новых моделей, лишь оформляют морфологосинтаксические модификации моделей. Две инфинитивные формы входят в состав глагольных сказуемых, соединяясь с личными формами фазисных или модальных глаголов.

По синтаксическим функциям личным, спрягаемым формам глагола противостоят неспрягаемые, у них иные способы участия в разных синтаксических конструкциях, не представленные в этом тексте (ср., например: *Прыгать на волка* — *опасно*, *Прыгавшая белка упала на волка*, *Прыгая, не падай* и т. п.). Предложения, включающие неспрягаемые глагольные формы в качестве своих компонентов, становятся усложненными, полипредикативными. Таким образом, среди

форм глагольного слова различаются синтаксически значимые формы (синтаксемы) и их морфологические модификации.

Синтаксически значимы различия между полной и краткой формами прилагательных (ср. *сонный волк* — и *мы веселы, мы добры, ты зол*), тогда как различия в числе и роде составляют лишь морфологические модификации адъективных синтаксем.

Рассмотрим формы имен существительных. Их набор также невелик, есть повторяющиеся. Так, трижды встречается форма винительного объектного при переходных глаголах: *съесть белку, пустить белку, жечь сердце*. Сочетание переходного глагола с винительным объектом — пример наиболее спаянного словосочетания, скрепленного как бы с двух сторон взаимной необходимостью обоих компонентов друг в друге. Переходные глаголы представляют тип слов релятивных, семантически неполных, нуждающихся в восполнении посредством объектного распространителя. С другой стороны, форма винительного падежа с объектным значением употребляется только в качестве распространителя переходного глагола, другого способа включиться в синтаксическое построение у нее нет: только через глагольное словосочетание она войдет в состав того предложения, в котором может участвовать глагол, ведущий ее за собой. Поэтому и роль ее в предложении — иерархически второстепенная, она распространяет не модель предложения, а «свое» глагольное слово. Это с в я з а н н а я именная синтаксема.

Четыре формы *на*+ вин. пад. встречаются при глаголах направленного действия, движения (*прыгала с ветки на ветку, упала на волка, смотришь на вас, ушла на дерево*) и обозначают при них один из предметно-пространственных ориентиров, конечную точку движения. Здесь иной характер отношений между глаголом и именной формой, они могут обойтись друг без друга, глагол движения может употребляться и абсолютно, без распространителей или с другими распространителями (*весело прыгала, прыгала по веткам, через веревочку, за ишиками* и т. д.), именная форма тоже иногда может спряться без глагола (*Белка — на дерево, вторая — за ней*). Между глаголом и именной формой в этом случае — не взаимная нужда друг в друге, а скорее взаимная склонность, с и н с е м и ч н о с т ь, основанная на наличии в них общей семы — направления, направленности. Именная форма со значением направления, или директив, — с в о б о д н а я синтаксема.

Общность морфологического оформления имени еще не предопределяет общности синтаксических функций. Четырежды встре-

чается в тексте и форма дательного падежа: *Скажи мне (скажу тебе), Мне скучно (тебе скучно), Никому зла не делаем, Тебе злость сердце жжет*. Различия в значениях видны из самих примеров: в первом дательный — адресат речевого действия, во втором — субъект состояния, в третьем — объект каузативного воздействия, в четвертом — каузируемый субъект состояния. Различны и синтаксические условия участия этих дательных в названных конструкциях. Дательный адресата — свободная синтаксема, она может встречаться в приглагольной позиции (на основе синсемичности — при глаголах адресованного действия, информативного, донативного и др.: *петь кому, писать кому, сообщить кому, подарить кому*), в приименной позиции (*письмо жене, подарок детям*) и в неприсловной, в качестве предизирующего компонента предложения (*Это письмо — тебе*). Заметим, что возможности той или иной словоформы зависят и от ее категориально-семантического характера: синтаксемы с директивным значением образуются преимущественно от имен предметно-пространственной семантики, тогда как синтаксемы со значением адресата преимущественно от имен лица. Для свободной синтаксемы характерна возможность изолированного употребления (в адресе, в заголовке, в посвящении).

Дательный субъекта состояния — о б у с л о в л е н н а я синтаксема. обусловлена она конструкцией, в которой и реализует свое значение предизируемого компонента модели (*Мне скучно, Мне нездоровится*). Других позиций у нее нет. Если взять этот дательный изолированно, он утратит значение субъекта состояния и будет восприниматься как имя адресата. Не употребляются в заголовках и связанные формы **Белку, *Книгу*.

Свои сложности имеются в примере *Тебе злость сердце жжет*. Между словами *тебе* и *сердце* нет прямых синтаксических связей, но семантически они связаны как имя целого и его части. Это случай комплексного обозначения субъекта состояния (сравните еще: *Мне ногу больно, У меня под ребром колет, В ушах у гостя затрещало и закружилась голова*).

Из раздела о формах слов можем сделать следующие выводы:

1) Словоформы (синтаксемы) — это те минимальные синтаксические единицы, из которых строятся (и на которые членятся) предложения и словосочетания.

2) Морфологические формы слов делятся на синтаксически значимые и синтаксически незначимые. Морфологический облик словоформы — только один из элементов, определяющих возможности ее синтаксического

функционирования. Под одной морфологической формой может объединяться несколько синтаксем.

3) Функциональная характеристика синтаксемы складывается, помимо морфологической формы, из категориально-семантического значения слова и набора ее возможных синтаксических позиций.

Последний раздел статьи посвящен собственно текстовой проблематике — вопросам композиционно-синтаксической организации текста.

В композиции рассказа, как мы уже заметили, сплетаются две линии: физически-событийная и нравственно-морализующая. Событийная линия проходит через авторскую монологическую речь и часть диалогических реплик персонажей. Морализующая выражена в диалоге действующих лиц. Авторское повествование ведется в формах прошедшего времени, точкой отсчета здесь служит момент рассказывания, создания текста. Сюжетное движение передается взаимодействием глагольных форм прошедшего времени совершенного вида (в «аористном» значении, по В. В. Виноградову) и несовершенного (в «имперфектном» значении). Имперфектное действие *прыгала* составляет как бы экспозицию рассказа, завязка обозначена первым «аористным» глаголом *упала*. Дальше динамичные аористные глагольные формы совершенного вида со значением единичных действий, происходящих в конкретный момент прошлого, последовательно сменяя друг друга, ведут сюжет к развязке. Сюжет небогат событиями (*Белка упала ... Волк вскочил... Волк сказал... Белка сказала... Волк пустил... Белка ушла... и сказала...*), но он ведь и служит только поводом для разговора героев «о жизни». Дополняют эти события реплики персонажей в связи с сюжетным действием, непосредственно обращенные друг к другу, в повелительном наклонении (*Пусти меня, Скажи мне*), в настоящем актуальном (*Я боюсь тебя*) и в будущем (*Я пушу тебя, Я оттуда тебе скажу*). Заметим, что здесь точка отсчета другая — это момент их разговора. Событийная линия исчерпана.

Что же касается психологической части диалога персонажей, то вся она идет в формах настоящего времени, но настоящего не актуального, связанного с точкой отсчета, а настоящего расширенного, обобщенного. Эта расширенность его подчеркивается и дополнительными средствами: словами *всегда, всё*, употреблением формы 2-го лица в значении 1-го (*а на вас смотришь...*), имеющей не только «обобщенно-личное», но и обоб-

щенно-временное значение. Изменилось и референтное значение имен, пад. Если в событийной линии действуют и разговаривают конкретные, единичные *белка* и *волк*, то в морализующей части (*вы, белки; мы, белки*) множественным числом обозначено не несколько конкретных белок, а определенный класс, род животных.

Конкретные действия конкретных персонажей, происходящие в определенном времени и месте, — наблюдаемы, они представлены как воспринимаемые зрением и слухом рассказчика. Они могли бы быть включены в «апперцепционную рамку» *Я вижу, как... Я слышу, что...* В тексте они передаются средствами изобразительного коммуникативного регистра речи.

Нереферентные действия и предметы, не прикрепленные к конкретному времени и месту, не воспринимаются непосредственным наблюдением, сообщение о них может быть включено в рамку *Я знаю, что... Известно, что...* Знание о них рождается в результате обобщений и многократных наблюдений, опыта, в результате познавательных логических операций. В тексте они передаются средствами информативного коммуникативного регистра речи.

Соотношение блоков изобразительного и информативного регистров определяет композиционно-синтаксическую организацию рассказа-басни «Белка и волк».

Многообразные, но поддающиеся типизации способы соотношения и взаимодействия изобразительного и коммуникативного регистров в их разновидностях определяют структуру и композицию речевых произведений разного общественно-бытового и эстетического назначения. В качестве одного из выводов к последнему разделу отметим также, что морфологические категории — такие, как число имен существительных, вид и время глаголов, — становятся средствами композиционно-регистровой организации текста¹.

¹ Изложенные основания и методы синтаксического анализа подробнее см. в книгах автора «Очерк функционального синтаксиса русского языка». — М., 1973; «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса». — М., 1982.